

М.Ю. ЧУРИН

**ИСТИННЫМ
Курсом**

Михаил Чури́н
Истинным курсом (сборник)

«Горизонт»

2019

УДК 82-3
ББК 84Р6

Чурин М. Ю.

Истинным курсом (сборник) / М. Ю. Чурин — «Горизонт», 2019

Третий сборник рассказов капитана дальнего плавания Михаила Юрьевича Чурина повествует об интересной и ответственной работе экипажей судов торгового флота, об особенностях отношений работников плавсостава, находящихся в замкнутом, небольшом коллективе длительное время в отрыве от родных и близких, о чуткости по отношению к своим сослуживцам и близким. В представленный сборник вошла вторая повесть автора «Будни капитана» – о роли капитана в этой сложной профессиональной деятельности.

УДК 82-3
ББК 84Р6

© Чурин М. Ю., 2019
© Горизонт, 2019

Содержание

Истинный курс Михаила Чуринов	7
Капитанские рассказы	9
Истинным курсом	9
Зима	12
«Учись студент»	15
В гостях, не оправдал надежд	18
Преодолевая трудности	20
Новая сауна	22
«Открытие»	25
Зеленые оливки	28
Сбылось	31
Полуночный штурман	33
Жаль, не сложилось	36
Кто в море не ходил, тот богу не молился	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Юрьевич Чури́н

Истинным курсом

*Посвящаю Чури́ну Юрию Константиновичу, военному моряку,
конструктору- кораблестроителю*

© Чури́н М.Ю., 2019

*Скажи отец ...Нет, он давно ушел,
В душе оставив пустоту потери,
А я бы жизнь сейчас ему поверил,
А он – слова мне нужные нашёл.*

*Скажи, отец... Я в жизни столько раз
Так начинал, и ты всегда был рядом,
И помогал, не словом даже – взглядом,
Мужская дружба уединила нас.*

*Скажи отец...В последние года
Мы редко виделись, но помню каждый вечер,
Твой тёплый взгляд, коньяк – сто грамм за встречу,
И разговор, до ночи, как всегда.*

*Отцы, отцы ... За много долгих лет
Не успеваем мы наговориться ...
И трогаем на памятниках лица,
Тех, чей, как воздух, нужен нам совет.*

Скажи, отец

В. Терехов

Истинный курс Михаила Чурина

В современной отечественной художественной литературе маринистика присутствует, хотя, увы, и не в том качестве, как в прошлые десятилетия. Сегодняшние средства массовой информации рассказывают нам, о чем угодно, только не о романтике далеких плаваний и странствий. Это, разумеется, не случайно, ибо сегодняшний век – век прагматизма и трезвого расчета. Романтика и идеализм сегодня не в моде. Именно поэтому появление настоящего писателя-мариниста – это значительное явление, как для всей современной отечественной литературы, так и для нашего небольшого, хотя и сплоченного, сообщества писателей-маринистов.

С Михаилом Чуриным мы познакомились на Первом Всероссийском собрании маринистов в 2018 году. После прочтения первых его рассказов стало очевидно – родился новый талантливый писатель-маринист. При этом Михаил Юрьевич является не просто человеком, любящем море. Он – продолжатель уникальной плеяды российских океанских капитанов, взявших в руки перо, чтобы рассказать современникам и потомкам о красоте и могуществе Океана, о реалиях своей непростой профессии. Поэтому я, без всякого преувеличения, считаю М.Ю. Чурина прямым продолжателем таких корифеев отечественной маринистики, как Д.А. Лухманов, К.С. Бадигин и В.В. Конецкий, каждый из которых удачно совмещал профессии капитана и писателя.

Да, маринистов в истории России было немало, но настоящими капитанами из них было всего несколько человек! Именно к этой немногочисленной когорте относится и Михаил Чурин.

Сын офицера военно-морского флота, Михаил с детства отдал свое сердце морю, оставшись верным этой любви на всю свою жизнь. Окончив судоводительский факультет института водного транспорта, плавал по всем морям и океанам. Прошел все ступени судовой службы от курсанта-практиканта до капитана дальнего плавания. В настоящее время возглавляет факультет судовождения в Волжском государственном университете водного транспорта, готовя к морской службе новые поколения будущих штурманов и капитанов.

Книгу, представляемую сегодня читателю, Михаил Юрьевич назвал просто и ясно – «Истинным курсом». Что касается содержания книги, то она полностью соответствует своему названию. В рассказах и повести «Будни капитана» автор действительно повествует о повседневной жизни моряков современного российского торгового флота, чья жизнь мало известна большинству живущих на суше, о том, как они выстраивают истинный курс своей службы и жизни.

Рассказы Михаила Чурина лаконичны и просты. В каждом из них описывается определенное событие в жизни экипажа торгового судна, – его команды и капитана. В большинстве своем главные герои именно капитаны, от их лица во многих рассказах собственно и ведется повествование. Однако за кажущейся простотой сюжетов кроется настоящая судовая жизнь. На первый взгляд она обыденна. Вот встретились в море два судна, и их капитаны поприветствовали друг друга, как это положено по старым морским традициям, преподав тем самым урок на всю жизнь находившимся на борту курсантам (рассказ «Истинный курс»). Вот один капитан помог другому с валенками, обратив внимание, что у того мерзнет вахтенный матрос у трапа (рассказ «Зима»). Вот капитан и старпом ищут в иностранном порту саморезы для оборудования корабельной бани (рассказ «Новая сауна»). Вот опытный капитан выручает своего менее подготовленного коллегу в штормовой ситуации (рассказ «Главное – это опыт»). Очень интересен навеянный мистикой и старинными морскими преданиями рассказ «Полуночный штурман».

Рассказы о трудовых буднях торговых моряков следуют один за другим, создавая некую иллюзию размеренной спокойной службы и работы. Но вот начинается рассказ «Действия непреодолимой силы», в котором с каждой страницей нарастает трагизм штормовой ситуации, куда попал контейнеровоз, капитан которого Александр Иванович Дроздов, поддавшись на уговоры, принял на борт дополнительную партию контейнеров. В результате во время сильного шторма контейнеры начали смещаться и судно получило необратимый крен. Понимая свою вину, приняв все меры для спасения команды, а также убедившись, что все члены экипажа успешно погрузились в спасательные плоты и отошли от борта, капитан отказывается покинуть обреченное судно. Да, он спас команду, но именно он погубил доверенное ему судно, поэтому Дроздов сам себе выносит приговор в полном соответствии с древней морской традицией – капитан тонущего корабля разделяет его судьбу.

После прочтения рассказа сразу меняется эмоциональное восприятие книги. Если раньше автор рассказывал читателю о капитанских буднях и обязанностях, то в рассказе «Действия непреодолимой силы» он поведал и о главной капитанской привилегии – уходить со своего судна последним или же не уходить вообще. При этом капитан дальнего плавания Михаил Чурин знает, о чем пишет, так как сам отстоял на капитанском мостике не один десяток лет.

Что касается завершающей сборник повести «Будни капитана», то она автобиографична. Вся повесть – это история одного обычного рейса судна под командованием капитана Сергея Ивановича в Средиземное море. Герои повести – члены экипажа – предстают перед читателем со всеми их достоинствами и недостатками. На фоне описываемых повседневных капитанских реалий: погрузки и разгрузки судна, переходов из порта в порт, общения с шипчандлерами, местными властями и судовладельцами – перед нами разворачивается картина личностных взаимоотношений между членами экипажа. К каждому опытный капитан Сергей Иванович ищет свой подход, выявляет лучшие качества подчиненных, терпеливо учит их любить и понимать море. Прекрасно описан автором и непростой психологический поединок капитана с зарвавшейся поварихой. Но вот заканчивается рейс, и капитан прощается с судном и экипажем, но лишь для того, чтобы после небольшого отдыха снова уйти в очередное плавание.

Уверен, что каждый, кто начнет читать книгу Михаила Чурина «Истинным курсом», перелистнув ее последнюю страницу, ощутит чувство светлой печали от того, что пришла пора расстаться с уже успевшими полюбить героев.

Когда-то старший коллега Михаила Чурина по капитанской стезе и писательскому перу Виктор Конецкий так сказал о своем жизненном пути: «Море требует от человека жизни. Или отдавай судьбу, или оно не признает. Литература требует того же...» Михаил Юрьевич выбрал море, но он выбрал и литературу. А потому я твердо верю в то, что впереди нас ждут новые увлекательные и поучительные книги настоящего моряка и настоящего писателя, порукой тому – его огромный жизненный и морской опыт, порукой тому – его талант.

А еще я верю, что книги, как корабли, имеют свою судьбу. Есть книги со счастливой судьбой, есть с судьбой не очень... Поэтому я искренне желаю новой книге Михаила Чурина долгого и счастливого плавания в читательском океане и, как говорят у нас на флоте, – «Попутного ветра и неизбывных семи футов под килем!»

Секретарь Союза писателей России, капитан I ранга Владимир Шигин

Капитанские рассказы

Истинным курсом

*Никто лучше тебя не проложит курс твоего корабля
(Английская пословица)*

Морская служба немислима без уважительного отношения к флотским традициям, соблюдение которых превратилось в нормативные требования всевозможных документов, регламентирующих одну из старейших деятельностей человека. Некоторые из них со временем все же изменяются или вовсе отмирают, но традиции трепетного и ответственного отношения к государственной символике и уважительного отношения к своим соратникам, коллегам будут присутствовать всегда.

Давайте заглянем в «Устав службы на судах Министерства морского флота Союза ССР», ныне несуществующего государства Союза Советских Социалистических Республик. В первой главе мы сможем найти описание сферы деятельности этого документа: «Настоящий Устав определяет основы организации службы на судах Министерства морского флота, а также основные обязанности и права лиц судового экипажа». А чуть позже прочитаем: «При встрече в море все суда под флагом Союза ССР при расхождении приветствуют друг друга однократным приспускиванием Государственного флага Союза ССР».

На первой практике, проходившей на учебном судне «Зенит», возвращались мы, студенты-второкурсники, в Балтийское море Кильским каналом. Наша рабочая бригада занималась плетением матов на шлюпочной палубе. Вдруг наше внимание привлек матрос, вышедший с мостика судна и бегом помчавшийся к бизань-мачте (кормовая мачта). Он развязал

крепления и застыл в ожидании команды, как мы поняли, держа в руках фал Государственного флага СССР. Затем мы увидели, как на крыло ходового мостика вышел наш любимый старший помощник, мы – салаги – с большим уважением относились к этому спокойному, выдержанному и, как мы уже поняли, опытному члену старшего командного состава теплохода. Старпом, видимо, чего-то ждал. Мы начали оглядываться по сторонам. Навстречу нам по каналу шел небольшой сухогруз, совсем немного и мы с ним должны были разойтись. Когда наши суда почти поравнялись, из рубки встречного теплохода также вышел помощник, он был в синей форменной куртке с блестящими желтыми погонами. Он и наш командир почти одновременно свистнули в свистки, которые заранее подготовили и держали наготове в руках. На обоих судах матросы приспустили красные с желтыми серпами и молотами государственные флаги. Еще мгновение и раздались два свистка – вахтенные матросы на обоих судах подняли флаги в исходное положение и стали крепить фалы. Вслед за этим на мостик маленького теплохода вышел пожилой мужчина с седой бородой, он начал махать рукой, приветствуя нас. Мы поняли, что это капитан встречного судна. На нашем мостике тоже появился капитан, который также начал махать рукой своему коллеге. Через какое-то мгновение суда были уже на большом расстоянии друг от друга, разойдясь всего, как нам показалось, в нескольких метрах не сбавляя хода. Мы, находящиеся на шлюпочной палубе, успели прочитать название судна – «Балтийский». Это было судно смешанного плавания с черным корпусом, порт приписки Калининград, номер мы уже не смогли прочитать.

Всю картину приветствия мы наблюдали с высоты нашей шлюпочной палубы, а «Балтийский» был в несколько раз меньше нас, и даже его настройка располагалась ниже нашей шлюпочной палубы. Их действия просматривались, как на ладони. И от этого, может быть, они и поразили нас своей уверенностью и слаженностью с действиями наших командиров. Это было здорово. Мы все, практиканты второго курса, только начинающие осваивать флотские премудрости, далеко еще не судоводители и даже не настоящие матросы, еще долго смотрели вслед уходящему коллеге, нашему соотечественнику. Мы были в восторге от увиденного. А потом пошла дискуссия: «А как они здорово, слаженно поприветствовали друг друга. И капитаны вышли, помахали руками».

В такие минуты ты понимаешь, что твой выбор сделан правильно и что у тебя должно все получиться, что ты будешь прилагать усилия, будешь учиться, чтоб стать настоящим судоводителем. Чувствуешь, что ты на правильном пути или, как говорят штурманы, следуешь «истинным курсом».

Прошли годы, и каждый раз, будучи помощником, а потом и капитаном, приветствуя своего соотечественника в море или в узкости, я каждый раз вспоминаю расхождение учебного судна «Зенит» с номерным «Балтийским» в Кильском канале. Спасибо тебе за это, вахтенный помощник из Калининграда.

Необходимо добавить к сказанному. Новый «Устав службы на морских судах», вступивший в силу совсем недавно, в августе 2018 года, содержит требование: «При встрече в море все суда под флагом Российской Федерации при расхождении приветствуют друг друга однократным приспуском Государственного флага Российской Федерации на 1/3 длины фала».

Процедура приветствия осталась прежней. Ничего не изменилось.

Зима

Какая в этом году выдалась холодная зима! Столбик термометра уже неделю не поднимается выше минус двадцати восьми градусов. Но караван все же пробился в заветный порт, только два часа назад портовые буксиры в сплошной ледяной каше закончили расстановку прибывших судов. Подойти вплотную к стенке все же не удалось – сильный прессованный лед прилип к причалу. Суда, утомленные недельной ледовой проводкой, стояли безмолвно у причалов, на которых мела поземка, заметая их снегом. Сами суда напоминали больших снеговиков, вместо глаз которых просматривались иллюминаторы ходовых мостиков. Команды начали готовиться к грузовым работам, на крышках трюмов появились люди, сметающие снег. Быстро темнело, на палубах включили освещение. От этого казалось, что вновь усиливающийся ветер к утру заметет снегом весь порт.

Комиссия на приход отработала спокойно, безразлично проверив заполненные приходные документы, судно, наконец, получило «свободную практику», теперь можно общаться с берегом. Николай Николаевич, проводив комиссию до трапа, поднялся на мостик, необходимо было определить, к какому причалу поставили судно его товарища, с которым он в свое время вместе учился на одном курсе. Когда они встречались в последний раз, Николай уже точно не помнил, и вот надо же так было случиться, что им пришлось следовать вместе в одном караване. Сергей работал также капитаном, но в этот раз судьба закинула его, как отметил Николай, на судно весьма преклонного возраста. Современный радар на компасном мостике старого теплохода смотрелся даже противоестественно, как в этих случаях говорят: «как на корове седло». «Как он там на такой старушке, да еще в таких сложных ледовых условиях? На современном-то судне не пробиться», – беспокоился Николай за своего однокурсника. За неделю, проведенную в совместных усилиях по преодолению ледовых полей, они много общались по УКВ-радиостанции, смогли вспомнить и обговорить: учебу в институте, кто, где и как трудился, кто с кем общается, обсудить и личные вопросы. А вспомнить, как оказалось, можно было очень многое.

На мостике принтер начал отстукивать текст принятого сообщения. Послание было от судовладельца, в нём сообщалось о том, что по имеющимся сведениям предстоящий выход каравана из порта всего скорей будет последним этой зимой. По причине тяжелой ледовой обстановки следующий караван запланирован на выход из порта только с наступлением весенних оттепелей. Поэтому Николаю Николаевичу предписывалось быстро, пока ледокол выводит суда на рейд, произвести погрузку, оформить отход и выйти, «кровь из носа», в рейс в составе этого последнего каравана. Да, задача поставлена не из легких: в первую очередь, трудность выполнения заключалась в том, что ход и темп погрузки абсолютно не зависел от капитана. Скорее наоборот, капитан зависел от порта и их усилий. Николай Николаевич вызвал к себе старшего помощника и проинструктировал его с учетом последнего указания судовладельца: «Федор Иванович, готовьте судно к погрузке, нам надо успеть к выходу каравана. Ледокол поведет суда послезавтра. Следующий караван на выход будет весной».

Проинструктировав подчиненных, Николай Николаевич отправился в гости к своему однокашнику на судно. У трапа, как это положено, его встретил вахтенный матрос. Все мысли капитана были заняты осмыслением полученной команды: «выйти, «кровь из носа», в рейс в составе этого последнего каравана», но на каком-то подсознании капитан все же отметил, что в облике вахтенного матроса что-то смотрится противоестественно, что конкретно, он не понял, но что-то было не так. Его проводили в каюту капитана.

Войдя в кабинет, Николай Николаевич был неожиданно озадачен: первым впечатлением было чувство, что он переместился во времени – оказался в капитанской каюте, как ему показалось, прошлого столетия: низкий подволок (потолок), какие-то странные переборки, да еще

и мебель вызывала удивление. Картина дополнялась тусклым светом, исходящим из подвальных светильников странной конструкции. Сергей вышел из-за стола и с распростертыми объятиями направился навстречу гостю. Хозяин каюты был в форме при полном параде, на форменном кителе отчетливо смотрелся нагрудный знак капитана дальнего плавания. В каюте было откровенно холодно, и на ногах хозяина Николай увидел совершенно не сочетающиеся с его внешним видом старые войлочные ботинки «прощай молодость». Первое, что он отметил, это то, что Сергей за эти годы сильно изменился, постарел. Они обнялись, хозяин каюты пригласил Николая присесть, предложил чаю: «Виски не предлагаю – сейчас не до этого». Но гость, сославшись на нехватку времени, от чая отказался. «Ну, как ты? Как настроение?» – начал разговор Николай. Сергей все же поставил горячий чайник, какие-то печенюшки и еще что-то перед ним.

– А что я – видишь, работаем. Вот только что получил команду судовладельца – необходимо выйти с этим караваном в рейс, иначе застрянем до весны. А ты как?

– Я тоже получил такую команду, надо обязательно выходить. Боцман отдраил лючки балластных танков – там уйма льда на переборках, даже приблизительно невозможно определить сколько. Балласт промерз на переходе. Уже откатываем, через час начинаем погрузку, а сколько балласта останется в танках в виде льда, неизвестно, – поделился своими тревогами Николай.

– А что грузить собираетесь? – задал вопрос хозяин каюты.

– Металл в рулонах. Единственное, что немного успокаивает, это то, что партия груза не на всю грузоподъемность, будет свобода маневра и запас осадки. А вы, под какой груз пришли? – задал в свою очередь вопрос Николай.

– У меня все гораздо сложнее. Грузить предстоит уголь, и команда – грузить на полную грузоподъемность. А в балластных танках та же ситуация – много льда, – в свою очередь поделился своими проблемами Сергей, – посмотрим, что из этой затеи получится. А затем сразу же перешел на другую тему: «Слушай, Николай, а ты что, так и ходишь по порту в валенках?»

– Так и хожу, чего стесняться, мороз какой? А что ты спрашиваешь? – насторожился Николай.

– Ты у нас всегда раньше был пижон, а сейчас прямо по порту так и ходишь в обычных валенках. А если серьезно, то хочу поинтересоваться, а у тебя на «пароходе» есть еще валенки? Я сам-то вот одел, что подвернулось. Надстройка, пока шли, вымерзла, в каюте всего плюс пятнадцать, вот и хожу в своих «чунях». В салоне команды температура еще ниже. Все, что можно, включено, даже электрокамин в сауне. Вон дверь открыли в бане и греемся. Но это еще не все. Самое плохое, что у меня на борту нет валенок. Матросы стоят у трапа на морозе по четыре часа в ботинках. Тулупы есть, а элементарных валенок нет. Если у тебя есть валенки, дай взаймы на стоянку. Хотя бы две пары – в одних стоим на вахте, другие греем для вахты. Перед отходом вернем, – попросил однокашник. И только сейчас Николай Николаевич понял то, что ему показалось странным в облике вахтенного матроса у трапа: матрос стоял у трапа в меховом тулупе и в относительно легких для этого мороза ботинках.

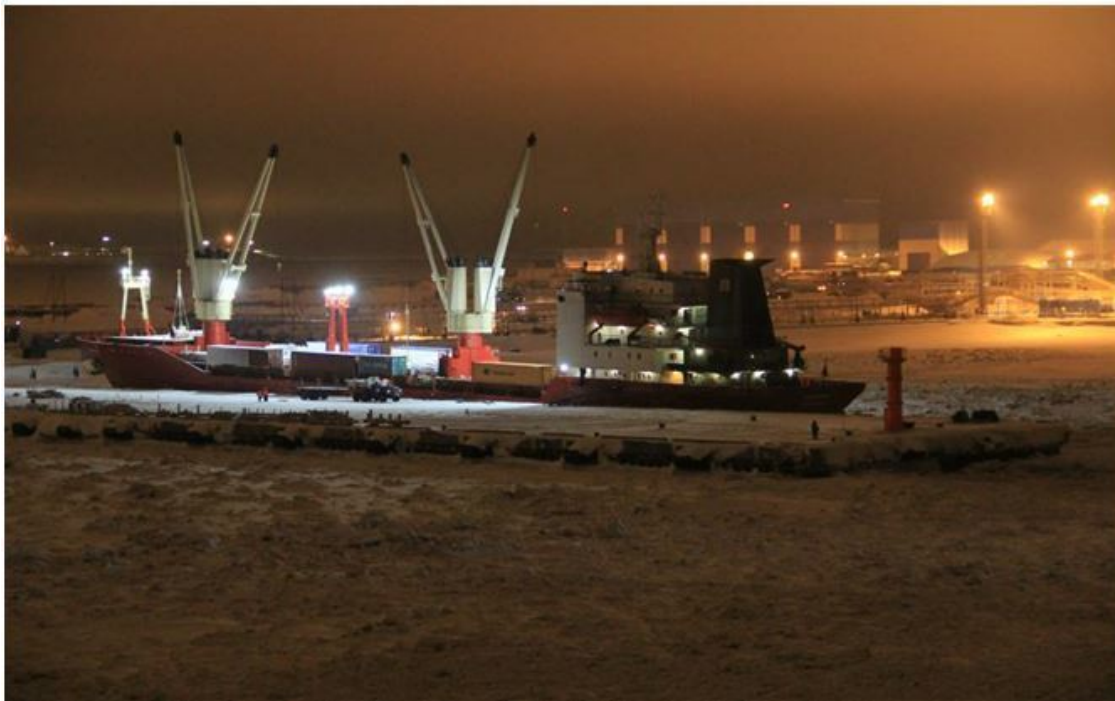
– У меня на борту валенки есть, матросы обуты все. А вот про запасные надо уточнить у боцмана, сколько. Если есть, то боцмана и пришлю, – был ответ коллеги.

Через час матросы Сергея стояли на вахте в валенках. Жить стало веселее, а стоять вахту теплее.

На третьи сутки к обеду портовые буксиры и ледокол закончили выводить суда. Караван был готов начать движение. Предпоследним в порядке стоял теплоход Николая Николаевича. Замыкающим был его старый товарищ по учебе Сергей. Валенки они вернули в самый последний момент, когда комиссия на отход уже подходила к трапу теплохода. Теперь старое судно Сергея не вписывалось в общую зимнюю картину. Большая надстройка последнего в порядке теплохода чернела на фоне белого ледового поля и таких же занесенных снегом коллег, стоя-

щих в готовности начать движение за ледоколом. Угольная пыль покрывала и палубы последнего в караване судна.

Замываться они будут через девять суток, когда ледокол выведет караван на чистую воду, когда температура перевалит на плюсовые значения, когда можно будет вооружить пожарную магистраль для помывки судна.

«Учись студент»

К старшему помощнику подошел боцман: «Сергей Дмитриевич, не знаю, что делать с новым матросом. Третий день валяется в лежку. Работать не может – укачался окончательно. Хотя нас не очень-то и качает, нормальная рабочая погода. Похоже, что это так и есть на самом деле. Присматриваю за ним, не симулянт, а на самом деле укачался».

– А где он сейчас: на палубе или в каюте? – решил уточнить обстановку старший помощник. – Я же сказал, валяется у себя в каюте, – отреагировал боцман.

– Виктор, ты мужик опытный. Что тебе не понятно? Давай вытаскивайте его на палубу и займите пока самой простой работой. Только свежий воздух и работа лечат от морской болезни. А то он у тебя в каюте проваливается весь переход. На юте организуй ему рабочее место, там и будет у нас лечиться, понял? – старпом изложил своё видение сложившейся ситуации, – не забывай посматривать за ним, а лучше прикрепи к нему матроса Рыбкина, он толковый парень, поставит его на ноги.

Через полчаса новый матрос, молодой, крепкий на вид парень Петруся, как его успели окрестить в команде, прибывший для прохождения практики в последнем порту захода, студент начальных курсов института, появился на юте. Было видно, что ему реально плохо, цвет лица носил зеленоватый оттенок. Старпом подошел к новому члену экипажа: – Петр, ты чего расклеился, давай настраивайся на работу.

– Какая тут уж работа, душу наизнанку выворачивает. Вам хорошо, вы не реагируете на штормовое море, – обреченно отозвался матрос.

– Петр, ты пойми, нет таких людей, которые бы не укачивались. Главное, себя перебороть, не раскисать. Отвлечься. Для этого самое лучшее средство – работа. Учись студент, сейчас боцман тебе даст задание. На свежем воздухе будет легче, – затем обратился к боцману: «Иванович, я правильно говорю?»

– Сергей Дмитриевич, сущую правду говорите. Лучшее средство от укачивания – это работа на свежем воздухе. А с работой у нас задержки не будет. Сейчас напарника пришлю – матроса Рыбкина, он подскажет, что надо делать. Старший помощник после разговора на юте прошел к себе в каюту: «Опять молодняк прислали, и опять всех заново учить надо. Хотя в этот раз пока и не очень сильно качает. Боцман правильно сказал – обычная рабочая погода». Сергей Дмитриевич снял теплую куртку и повесил на крючок вешалки у входной двери каюты, его взгляд невольно задержался на фотографии, закрепленной на противоположной переборке каюты. Из деревянной рамки на старпома смотрел его старый друг по студенчеству. В прошлом рейсе судьба неожиданно свела их вместе. Теплоход, на котором Славка работал также старпомом, в самый последний момент перед их отходом поставили на соседний причал. Встреча была бурной, но очень короткой, и от этой встречи осталась, как большая память, эта фотография. И, видимо, из-за разговора, состоявшегося только что на юте, Сергей вдруг вспомнил их первую плавательскую практику на большом учебном судне, как они ночью выходили из Ленинграда. Как после прохождения морского канала и Кронштадта они разбрелись по своим койкам в большом кубрике практикантов, как с тревогой и большим любопытством изучали сами себя. С замиранием каждый думал, а как он будет переносить качку. На соседней койке Лешка, также из их группы, подвесил свои карманные часы на цепочке на гвоздик, торчащий из переборки. И эти часы вскоре начали раскачиваться – судно заправило на выход в Финский залив. В иллюминаторах они не видели волн, но часы раскачивались все больше и больше, получая все большую амплитуду. А они прислушивались к своим ощущениям, нет ли первых признаков морской болезни. К великой радости Сергей не находил в себе никаких изменений, все было как обычно. В голове мелькнула провокационная мысль: «Может быть, он и не укачивается вообще. Может быть, он как английский писатель Джеймс Хэрриот, рассказывающий

о животных и их владельцах, вообще не реагирует на качку». С этими мыслями они после напряженного рабочего дня вскоре все и уснули.

Утром на следующий день их разбудил дежурный по низам, курсант старшего курса мореходного училища: «Подъем, ребята. Сегодня будем оморячиваться. Подъем». Все повскакивали с коек и в этот момент, а он это помнит до сих пор, его вдруг потащило куда-то в сторону. Да, это была качка, пусть пока небольшая, но он сразу понял, что это была она. Она мешала одеваться. После утренних процедур появились и первые признаки укачивания: как говорят, голова была дурная, тело налилось тяжестью, к горлу начала подступать обычная тошнота, такая как при легком отравлении. Это было все же неожиданно и неприятно. «А что о нем подумают ребята, подумают, что он слабак, уже укачался» – было главной заботой на тот момент. Но за завтраком ситуация разъяснилась. Ребята хмуро сидели за их большим столом, вяло пережевывая завтрак, а многие просто отказались от еды. Были высказаны различные причины, а реально она была одна: ребята начали укачиваться. Занятия в учебной аудитории проходили неинтересно, все мысли были об одном – скорее бы перерыв.

Тем временем судно вышло из Финского залива, изменило курс для следования в центральную часть Балтики. Качать стало значительно сильнее. Море покрылось белой пеной, стали просматриваться отдельные весьма крупные, как тогда они считали, волны. Приступы тошноты не позволяли заниматься чем-либо. Ребята, уже совершенно не стесняясь друг друга, просили у преподавателя разрешения выйти в коридор. Вот и он, уже не в силах усидеть в учебной аудитории, вышел из класса и побежал в курсантский гальюн (туалет). Гальюн располагался к кормовой части курсантского коридора палубой ниже, куда вел достаточно крутой и очень широкий трап. Открыв двери, он уже хотел спуститься в спасительное помещение. Внизу перед трапом стояли двое дежурных по этому специфическому объекту. Это были курсанты мореходки механической специальности, облаченные в заношенную рабочую форму второго срока. Они с интересом смотрели на очередного посетителя. Дежурные, как «мифические атланты», упирались на свои орудия труда – большие швабры, держа их вертикально вверх. Из нижнего помещения на Сергея обрушился устойчивый запах рвотных масс, он не смог больше себя сдерживать. Весь широкий крутой трап оросился недавним завтраком. «Ну вот, еще один не донес. Что, нельзя было, хотя бы, до палубы спуститься? Только убрались» – начали возмущаться дневальные, но в их словах не чувствовалось раздражения. Скорей присутствовало участие и понимание. Тогда они с ребятами не понимали, почему этот объект приборок всегда доставался курсантам-механикам. Это распределение просто их устраивало, и они не задавали вопросов. Позднее это стало понятно: младших механиков, четвертого или третьего, в зависимости от штатного расписания судна, на флоте принято называть «начальниками канализации и пара», так как в их заведование всегда входят судовые системы сточно-фекальных вод и отопления. Таким образом, этот объект всегда доставался курсантам механических специальностей – пусть привыкают.

Через два дня погода наладилась, жить стало веселее. Практиканты с головой ушли в учебный процесс, выполняя свои обязанности посменно, то в учебной бригаде, то в рабочей или в вахтенной. В Бискайском заливе история повторилась, но уже в меньших масштабах, хотя качало значительно сильнее, и они, начинающие судоводители, это четко понимали, глядя на огромные волны Атлантики, подгоняемые крепкими порывами ветра. И вопрос адаптации к тяжелым морским условиям стал понемногу отходить на второй план, работа и учеба проходили уже более результативно, приобретая независимость от погодных условий.

Учебное судно успешно доставило груз в один из портов Средиземного моря и направилось в обратный путь. И тут Сергея ждал неприятный сюрприз. Его назначили дневальным курсантских бытовых помещений, необходимо было произвести приборку в прачечной и гладильной курсантов. Он после утреннего развода спустился в прачечную. Судно было на подходе к Гибралтарскому проливу, начало снова качать, и даже не так сильно, как он почувствовал, но

качало совершенно по-другому. Судно следовало в балласте, без груза, поэтому и период качки и само поведение судна на волне было другое, и он снова укачался. Это было значительно хуже, чем в начале практики. Сергей, просто не мог работать. К тому моменту, как он чувствовал, он уже все, что у него было, отдал морю, и теперь из него начали выходить остатки желчи. Он не мог справиться с собой и обессилено присел у отливного шпигата прачечной, руки его дрожали, на лбу выступил пот. Это было неожиданно, очень неприятно и, самое главное, обидно. Он думал, что уже переболел воздействием моря, а оказалось, что нет.

И в этот момент в прачечную зашел его друг Славка. Он был немало удивлен его состоянием, все думали, что переболели. А оказывается, у каждого из них имеются и свои особенности реакции на качку. Кто-то не может принимать пищу, кто-то наоборот ест все подряд, у кого-то – страшные головные боли. «Сергей, давай дуй на верхнюю палубу, подыши свежим воздухом. Я здесь сам уберусь за тебя, помогу», – предложил Славка. Он помнил, как вышел к кормовому трюму. Там копошились его однокашники, из рабочей бригады, они шкрябали большие настилы – рыбины, снятые с компасного мостика. Необходимо было содрать старый лак с деревянных поверхностей настила. Тут же находился и боцман: «Молодые люди, запомните, труд сделал из обезьяны человека. А из вас труд сделает моряков. Лучшее средство от морской болезни – работа на свежем воздухе». Затем боцман подошел к Сергею и, глядя в его позеленевшее лицо, произнес: «Учись студент».

На вечерней вахте старший помощник, предварительно переговорив с боцманом, вызвал на мостик матроса Рыбкина: «Вадим, давай рассказывай, как твой сегодняшний подопечный отработал. Есть успехи?»

– Сергей Дмитриевич, успехи есть, подопечный чистил деревянные слани правого и левого борта с крыльев мостика. Боцман остался доволен. Я думаю (если вы спрашиваете моё мнение) в ближайшее время все будет нормально.

Еще через три дня боцман доложил старпому, что новый матрос вполне влился в рабочий процесс, работает наравне с другими членами палубной команды.

В гостях, не оправдал надежд

«Владимир, а вы что не хотите нам рассказать о вашей работе? Ведь интересно, как вы по морям ходите. Особенно ночью как вы ориентируетесь, ведь ничего не видно. Наверное, прожектор включаете? – задала вопрос гостю хозяйка торжества. Владимир был приглашен на день рождения подружки своей хорошей и давней знакомой. Если точно, то пригласили Надю, а его, как он понял, как приложение к ней. Совсем недавно вернувшись с теплохода, он, конечно же, согласился.

Оказывается, один из гостей моряк, плавает или, точнее, как они, моряки, говорят, ходит за границу. Все присутствующие за столом с интересом посмотрели на него, видимо, также ожидая интересных рассказов. Но этот интерес, как уже успел отметить Владимир, носил какой-то поверхностный характер, от нечего делать, на лицах присутствующих он читал обычную скуку.

– Что рассказывать? Нечего рассказывать. Работа как работа, – отреагировал Владимир, не привыкший к всеобщему избыточному вниманию.

– Правда, расскажите. Как там в море? Наверное, страшно? – продолжала наседать хозяйка дома.

– Да, нет, не страшно. Хотя бывают ситуации, когда приходится тяжело, это когда в сильный шторм угодишь, – ответил Владимир. У него абсолютно не было никакого желания рассказывать за праздничным столом о том, как приходится совершать переходы в тяжелых штормовых условиях. Да, в последнем контракте они даже очень и очень сильно влетели, тогда подвели практически все полученные прогнозы. Погода повела себя совершенно непредсказуемо. Было реально тяжело, но рассказывать об этом совсем не хотелось, хорошо, что все закончилось благополучно.

– А в порту чем вы занимаетесь? Где живете? Наверное, вам хорошие гостиницы предоставляют? – задала очередной вопрос именинница. – Расскажите, – обратились с просьбой и другие гости.

Владимиру окончательно стало ясно, что присутствующие не имеют совершенно никакого понятия о его работе. Он постарался незаметно наклониться к своей подружке: «Вы с Валентиной меня пригласили на день рождения в качестве чеховского свадебного генерала?»

– Ладно кривляться, расскажи им чего-нибудь интересненькое, – теперь попросила Надя.

– А как в море вы плаваете, ведь берегов не видно? Как определяете, куда следует плыть? – задал вопрос, рядом сидящий молодой человек, успевший «довести себя до нужной кондиции» и даже более.

– Еще до выхода в рейс штурман выполняет предварительную прокладку, на карте наносит линии пути, по которому судно должно следовать. Есть приборы, которые показывают курс следования. А есть приборы, которые этот курс держат. Штурману остается только проводить контроль за местоположением судна. На электронных картах и так сразу видно, как перемещается судно, – начал разъяснять Владимир.

– Очень интересно, а как осуществляется контроль, – опять задал вопрос сосед по столу.

– К примеру, штурман снимает пеленги на маяки и затем их прокладывает на карте или прокладывает дистанции, которые снял с экрана радара, – продолжал объяснять Владимир.

– А как он прокладывает эти пеленги? – решил уточнить сосед.

– Как? Есть прокладочный инструмент: транспортер, параллельная линейка, карандаш. Вот этим инструментом и работает.

– А вы любите свою работу? – вдруг спросила хозяйка торжества.

– Да? – как-то даже с вызовом, как показалось Владимиру, подхватил её сосед по столу. Своим нежеланием рассказывать он явно разочаровал всех присутствующих.

– А почему вы вдруг меня об этом спрашиваете? – отреагировал Владимир, он был удивлен таким вопросом.

– Да потому что, вы уж больно вяло отвечаете на вопросы, не хотите рассказывать, – напрямую высказал свои наблюдения сосед.

– Я не рассказываю, потому что рассказывать-то нечего. Работа, просто работа, – был ответ Владимира.

– Такая интересная, я бы сказал даже героическая профессия, и рассказать нечего. Вы просто не любите свою работу, – был ответ соседа. В его голосе появились раздражительные нотки.

– Хорошо, а вы кем работаете? – в свою очередь задал вопрос уже Владимир.

– Я конструктор – чертежник, – как-то сразу насторожившись, ответил сосед.

– А вы любите свою профессию? – в свою очередь задал вопрос уже Владимир.

– А почему вы спрашиваете?

– Я спрашиваю потому, что вы тоже без особого энтузиазма про свою работу, как мне показалось, говорите.

– Нет, вы ошибаетесь. Я люблю свою работу.

– Тогда расскажите, как вы работаете.

– А что рассказывать. Работа, как работа, – отозвался сосед.

– Да нет, расскажите. Или давайте я вам сам расскажу. Вы с восторгом в голосе должны поведать всем нам, как вы с большим волнением подходите к кульману. Берете тонко подточенный карандаш, затем, оценив необходимость и важность творения целого чертежа, проводите сначала вертикальную линию, затем аккуратно горизонтальную. Так? – обратился Владимир к соседу.

– Ну, почти так. Только чего тут интересного в моей работе. Одно и то же.

– И вы почему-то ждете от меня рассказов, как мы героически, как вы сказали, преодолеваем трудности, как нам тяжело. У меня та же ситуация, из вахты в вахту. Это тоже моя повседневная и обычная для меня работа. Но для меня все же интересная. Вот по какому-то конкретному поводу я вам, наверное, что-нибудь и рассказал бы. Надо повод и настрой. А так, вы не обижайтесь, не получится. Я просто по заявкам в целом ни о чем не могу.

И тут Валентина, чтобы прекратить препирательства, выправить ситуацию за праздничным столом, предложила вновь наполнить бокалы. После очередного тоста к Владимиру больше не приставали с расспросами. Тема умерла сама собой, чему он был рад.

Преодолевая трудности

Судно заправило к причалу, предстояло швартоваться правым бортом к высокой стенке в углу причала. Капитан Бурков, находясь на правом крыле мостика, установил ручку телеграфа правой машины на передний малый ход. Стрелка тахометра дернулась, совершила затухающие колебания и замерла на нулевой отметке – машина не запустилась. Бурков повторил действия, и стрелка тахометра вновь осталась на цифре ноль. Капитан, стараясь не показывать озабоченности, глянул на лоцмана: лоцман продолжал спокойно восседать в капитанском кресле. Было не понятно, обратил ли он внимание на то, что правая машина вышла из строя. Старший помощник с тревогой посмотрел на капитана. Бурков установил левую машину на средний ход, затем вошел в помещение рубки.

– На руле не зевать, держать на угол причала, – поступила команда рулевому, и эта команда была воспринята старпомом как сигнал, что ситуация пока под контролем. Лоцман, продолжая сидеть в капитанском кресле, одобрительно закивал головой, он уже давно привык к тому, что эти небольшие по морским меркам русские суда весьма успешно швартуются без его прямого участия.

– На баке докладывать дистанцию до угла причала. Матросу Иванову приготовиться подавать бросательный конец. Боцману стоять у якоря. Григорьевич, только по команде, но это надо сделать аккуратно, – капитан дал команду на бак. Боцман, опытный моряк, много повидавший за свою долгую службу на различных судах, только по этой команде понял, что на мостике не все в порядке, так как обычно эти команды с мостика подает старший помощник. Иванов взял подготовленную выброску и встал в полной готовности у скулового швартовного роульса. Со стороны могло показаться, что этот крепкого телосложения матрос собрался прыгать за борт.

Дистанция быстро сокращалась, капитан поставил ручку телеграфа левой машины на «стоп» с некоторым опережением. Левая машина тут же отреагировала на команду. Стрелка тахометра поползла вверх и замерла в самом верхнем положении на нуле. «Славу богу, хотя бы левая отработала как надо», – успел подумать Бурков.

– Так держать, – подал команду рулевому капитан, он был сама собранность. В этих ситуациях проявлялось все то, чему его учили, и все то, что он приобрел за время своей работы. Движения стали более рациональными, отточенными годами работы в должности капитана, – Докладывать кротчайшее до причала, – голос капитана приобрел металлические нотки, не терпящие возражений и тем более каких-то сомнений. Все идет по плану, как было изначально задумано.

Лоцман поднялся с кресла, подошел к лобовому иллюминатору, наблюдая за действиями команды. Видимо, чутьем опытного судоводителя он все же отметил, что судно подходит к причалу не совсем традиционно, а как-то неожиданно по-особенному. Бурков опять вышел на крыло мостика, внимательно отслеживая продвижение судна вдоль причала. «Дистанцию! Докладывать дистанцию», – напомнил он старшему помощнику. Тот продублировал команду. С бака вновь последовали доклады, дистанция сокращалась. Капитан наклонился над фальшбортом крыла мостика, оценивая реальную скорость судна. Затем еще раз посмотрел вперед: нос судна почти поравнялся с береговым кнехтом и стоящими рядом береговыми швартовщиками, готовыми принять бросательный конец. «Пора», – принял решение Бурков и, уже обращаясь к старшему помощнику, крикнул: «Подаем». Старпом продублировал команду, матрос изо всей силы метнул выброску в сторону причала. Береговые швартовщики быстро подхватили конец, начали выбирать его на причал. «Отлично, хорошо», – мысленно похвалив матроса, капитан навалился на ручку телеграфа левой машины, давая команду работать на задний ход. Последовал легкий хлопок, означавший, что машина запустилась в соответствии с полу-

ченной командой. «Хорошо», – опять успел отметить Бурков. Из трубы вылетел легкий дымок. Через какое-то мгновение появилась нарастающая вибрация, судно начало гасить инерцию.

– На руле не зевать, – последовали команды на руль. Поданный швартовный конец к этому моменту был уже накинут на береговую тумбу. Капитан опять дернул ручку телеграфа, поставив её на «стоп». Вибрация прекратилась, стали отчетливее слышны все судовые шумы. Казалось, что можно было понять, о чем боцман говорит своим матросам на баке.

– Живее, живее выбираем шпринг. Боцман, подаем продольный, – капитан уже с крыла мостика сам подал команду. Необходимо было работать как можно быстрее, ему даже показалось в этот момент, что легкий отжимной ветер усилился. «Крепим шпринг, крепим!» – на бак поступила очередная команда. Капитан вновь запустил левую машину на передний ход, установив ручку телеграфа на малый ход. «Лево на борт», – дал команду рулевому капитан. «Держим, держим», – поступила очередная команда, адресованная баковой швартовной бригаде, а далее и кормовой бригаде: «На корме готовимся подавать швартовы».

Через пятнадцать минут судно стояло у причала, все швартовы были обтянуты и закреплены. Боцман с матросами готовили парадный трап, уже вывалив его на причал. Лоцман, допив свой кофе и поблагодарив капитана за успешные совместные действия, был готов покинуть борт судна. К трапу подъехал легковой автомобиль и лоцман, сопровождаемый старшим помощником, убыл с мостика. Вскоре старпом вновь появился на мостике.

– Михаил Петрович, дай команду, чтоб вахтенный матрос лоцманский флаг убрал, – обратился к нему капитан.

– Хорошо, сейчас сделаем. Сергей Григорьевич, похоже, лоцман так и не понял, что у нас правая машина не хотела запускаться, – обратился старший помощник к капитану.

– Мне тоже так показалось. Или сделал вид, что не заметил. А то представляешь, какие мы бы получили проблемы. Сейчас уже, наверное, портовый контроль был бы у нас в гостях с проверкой. А чем все эти проверки заканчиваются, не тебе Михаил Петрович объяснять, такую проблему создадут и раздуют. Будем надеяться, что он все же не обратил внимания.

Еще через два часа после оформления прихода были открыты трюмы и начата выгрузка. В этот день проверяющие на борту судна так и не появились. Капитан очень давно взял себе за правило по горячим следам разборок на судне не устраивать. В этом случае появлялась возможность спокойно, без всплесков эмоций оценить ситуацию и, возможно, сделать предварительные выводы. Временная пауза позволяла, как правило, разговор направить в конструктивное русло.

Вечером после ужина капитан пригласил к себе в кабинет старшего механика, совершавшего в этом экипаже первый рейс, за объяснениями по поводу отказа правой машины.

Новая сауна

На мостик поднялся боцман, не первый год работающий на теплоходе, было видно, что он очень расстроен. Боцман сразу же обратился к капитану:

– Василий Афанасьевич, у нас шурупы-саморезы закончились. После этой фразы он как-то сразу сник.

– Ну вот, случилось то, чего опасался. Говорил же тебе, Григорьевич, что надо было покупать больше. А ты, экономный мой, хватит, да хватит. Кто оказался прав? – капитан, похоже, тоже был расстроен, получив такое известие.

– Я все просчитал, должно было хватить, – начал оправдываться боцман.

– Должно было хватить, а не хватило. Сейчас уже разговор не об этом, а о том, что делать дальше. Где взять крепеж? Все дело встало из-за них, – капитан раздраженно зашагал по мостику. Боцман виновато стоял у штурманского стола, ждал, какое решение примет капитан.

– Григорьевич, ты знаешь, что после Искендеруна мы идем домой в Россию. Как мы появимся с такой баней? Надо обязательно на обратном пути закончить строительство новой парной, – капитан начал свои рассуждения, как бы предназначая их боцману.

– Не строительство, а ремонт, – поправил его боцман.

– Какая разница? Надо закончить, вот и все. Надо по приходу договариваться с агентом и купить недостающие шурупы, тогда успеем закончить парилку. Вот что, Виктор Григорьевич, готовься, поедем в город за покупками. Стоять будем далеко от города. Как обычно, поставят к большой джете (причал на сваях). Надо с шипчандлером договариваться, а может, кто-нибудь от магазинов приедет, будут завлекать посетить. Вся беда еще в том, что завтра воскресенье – магазины могут не работать. Приходим завтра днем, небольшая потеря времени. Виктор Григорьевич, давай пока займись подготовительными работами. Какие нам достались великолепные буковые доски на обычную сепарацию, грех их не использовать. Готовь доски. Электрический рубанок, я надеюсь, не подведет. Купим шурупы – будем ставить их на место, – закончил свои рассуждения капитан.

Поставили теплоход, как и предполагал капитан, к дальней джете. На причале к тому времени уже стояли грузовики, готовые принять стальные рулоны, уложенные и раскрепленные в трюмах теплохода.

Первым на борт судна поднялся, как это и положено, врач карантинной службы. Он даже поинтересовался о самочувствии экипажа. Оказывается, появился новый вид гриппа – грипп получил название «свиной». Как сообщил врач, болеют только свиньи и люди, очень опасный. «Какой только заразы не бывает на свете», – подумалось Василию Афанасьевичу. Вскоре санитарно-карантинный досмотр все же был закончен. Желтый карантинный флаг, который развивался на грот-мачте с самого подхода на рейд, был убран – судно получило свободную практику, позволяющую экипажу общение с берегом. При этом государственный флаг Турции по-прежнему развивался на фок-мачте теплохода. Вскоре на борт прибыл судовой агент для оформления прихода в порт Искендерун. Оформление не заняло много времени, трюмы были открыты и выгрузка началась. Василий Афанасьевич пытался выяснить режим работы магазинов в городе, на что агент, отмахнувшись от капитана, сказал: «Какие магазины. Все закрыто – воскресенье». Было очевидно, что агент очень торопился, ему не хотелось в выходной день задерживаться на судне. Осталось надеяться на появление представителей частных магазинчиков, которые обычно были готовы работать и в воскресенье и даже поздно по вечерам. Лишь бы хоть что-нибудь продать.

Грузовики непрерывным потоком подходили к борту судна и, получив в свой кузов по два больших стальных рулона, не задерживаясь, сразу же уезжали в сторону проходной порта. «Такими темпами нас завтра к обеду выгрузят», – обратился капитан к своему стар-

шему помощнику, – на завтрашний день рассчитывать не приходится, надо постараться все же сегодня заехать за шурупами, а то все наши планы будут сорваны».

Через час второй помощник, стоявший на вахте, позвонил с мостика в каюту капитана: «Василий Афанасьевич, похоже, едет представитель. Я встречу и провожу его к вам». Через пятнадцать минут гость был в каюте капитана: «Кэптен, добрый день. Вы готовы ехать в магазин? У нас новые товары: интересные рубашки, куртки, джинсы. Все, что вы захотите, поехали. Я специально только за вами и приехал». Капитан внимательно присмотрелся к гостю: года два назад он, похоже, уже с ним встречался. Тот возил команду в магазин в город за покупками. Василий Афанасьевич вдруг вспомнил имя приехавшего представителя магазина: «Джума, добрый день. Куда предлагаешь съездить, в какой магазин повезешь?» Гость был явно удивлен тем, что его назвали по имени: «Кэптен, поедем в новый магазин. Я сейчас работаю у другого хозяина. У этого большой выбор, магазин серьезный. Собирайтесь, я вас подожду».

– Джуба, нам нужны шурупы-саморезы. Можешь обеспечить? – приступил к делу капитан.

– Какие саморезы? У нас в магазине саморезов нет. У нас, я же сказал, куртки, джинсы, рубашки, носки, – был ответ гостя.

– А нам нужны шурупы. – настаивал Василий Афанасьевич.

– А какой мне смысл тогда вас вести в город, если вы ничего у нас покупать не будете, – с обидой произнес представитель магазина.

– Давай тогда мы с тобой договоримся так: сначала ты везешь нас к себе магазин, мы что-нибудь у тебя покупаем, а затем везешь в магазин строительных материалов, Ты, наверняка, знаешь, какие магазины работают у вас в городе в выходные дни, – предложил капитан.

– Вы знаете, «что-нибудь» меня не устраивает. Мне точно надо знать, на какую минимальную сумму вы будете приобретать товар. А потом мне придется просить одного хозяина открыть для вас его магазин, так как у нас в это время все магазины закрыты, – сразу же сориентировался представитель магазина.

– Джуба, ну что ты сразу начал нам руки выкручивать. Говори, какая сумма тебя устроит. Сто долларов устроит? – предложил капитан.

– Капитан, давай пятьсот, сразу же предложил гость.

– Зная ваши цены, я, наверное, должен в этом случае половину вашего магазина купить. Какая разница – пятьсот или четыреста, все равно это очень много. Как я столько вещей потом домой повезу? Давай вези в магазин строительных товаров, а в твоём магазине на месте разберемся, – обозначил своё видение сложившейся ситуации капитан. После все же быстро закончившихся препирательств решили так и сделать. Вскоре капитан с боцманом сели в машину и Джуба повез их в свой магазин.

Через два часа на причале вновь появился автомобиль представителя магазина. Так как причал был забит тяжелыми грузовиками, ждавших своей очереди на погрузку стальных рулонов, к трапу автомобиль Джубы подъехать не смог. Капитану с боцманом пришлось идти пешком. При этом в руках они несли множество различных пакетов. У трапа их встретил вахтенных старший помощник:

– Сколько много всего накупили, а где шурупы?

– Шурупы у боцмана. Джуба своё дело знает, раскрутил меня все же на пятьсот долларов, а поначалу в магазин своего приятеля за шурупами и вести не хотел – ответил капитан. При этом боцман достал из очередного большого пакета коробочку и показал старшему помощнику.

– Василий Афанасьевич, и ради этой коробочки с саморезами вы набрали столько вещей? Как домой-то будете отправлять?

– Как отправлять домой, надо подумать – самое главное, что шурупы теперь у нас есть. Чего не сделаешь ради общего дела, – спокойно ответил капитан.

Примечание. Переделки на судах без согласования и одобрения Классификационным обществом (Регистром) запрещены!

«Открытие»

Как быстро летит время! Только закончили учебу, начали работать, осваивать штурманские обязанности, смотришь, а ты уже второй помощник, а затем и старший помощник и, наконец, уже капитан. Вроде бы все это быстро и само собой, но все понимают, что это не так, что за этим стоит великий труд. Один из друзей шутил на эту тему: «Был третьим помощником – казалось, что старший помощник и капитан не больно-то упираются. Стал старшим помощником, смотришь, а третий помощник бездельничает. Стал капитаном и думаешь, а помощники-то не работают, их надо строить». На выпускном вечере все были одинаково счастливы – впереди открывались широкие перспективы выбранной профессии, все были в одинаковом положении на стартовой черте. Все желали друг другу успехов, удачи и благополучия и, конечно же, тем, кто еще не определился в личной жизни, большой любви. Затем они разъехались по пароходствам и глубоко и надолго окунулись в штурманские прокладки, в погрузки и грузовые документы, шторма и узкости.

В следующий раз они с Вовкой Кулагиным встретились много лет спустя, когда Иван уже работал на берегу, а Кулагин к тому времени, перейдя на берег значительно раньше, занимал очень высокую должность в другой судоходной компании. А встретились они на очередных курсах повышения квалификации, только в разных группах подготовки. Но молодые годы совместной учебы не забываются и, пригласив еще одного однокашника, они после занятий засели в ближайшем кафе.

– Иван, не видел тебя целую вечность, как у тебя сложилось?» – задал вопрос Кулагин.

– Что сложилось? Не понял, – тогда он решил уточнить, о чем его спрашивает бывший однокашник.

– Что сложилось? Да, спрашиваю про твою жизнь. Как живешь, спрашиваю, не видел тебя сто лет, – был ответ Владимира.

– Честно? Если честно, то особо хорошего ничего нет, – спокойно ответил Иван. – А что так? – опять задал вопрос Кулагин. – А что хорошего. Третья семья, – совершенно спокойно он поделился своими соображениями.

Кулагин замолчал, а затем после длительной паузы совершенно другим, скорбным тоном произнес:

– А у меня тоже все так плохо, так плохо. Не поверишь?

– А у тебя-то что все плохо, что случилось? – удивился Иван.

– Ты не поверишь, так случилось: всю жизнь с одной живу, – со скорбными нотками в голосе произнес Кулагин. Да, это было неожиданно, это было даже очень остроумно. Иван оценил юмор собеседника.

– А если серьезно, как живешь? – задал вопрос Иван.

– А если серьезно. Живу нормально – семья, жена, две взрослых дочери, – спокойно ответил Кулагин, – есть и собака, любимая.

– Какая собака? У меня тоже есть собака, – поинтересовался Иван.

– Я люблю кокеров. У меня американский кокер-спаниель Тимушка, мальчик, а если по документам Тим Темер Нортон.

– Слушай а у меня тоже кокер и тоже американский Грейт, а если точно Грейт Паркер Джонсон. Мальчик тоже.

Кулагин вдруг начал читать стихи о любви к собаке. Стихи Ивану очень понравились:

– Хорошие стихи. А чьи это стихи?

– Мои, мои давнишние стихи, – ответил Кулагин и начал читать другие стихи – про корабли, моря и каналы, затем стихи про путевую обстановку на реке. Стихи, как показалось Ивану, были интересные, хорошие стихи, и он опять спросил:

– А это чьи стихи?

– Это тоже мои стихи, – спокойно ответил Кулагин.

– А я и не знал, что ты пишешь стихи, – удивился Иван.

– А ты многого не знаешь, мы не виделись целую вечность, – опять спокойно заметил Кулагин.

– Слушай, а дети учатся или уже закончили учебу?

– Уже закончили, старшая уже успела выйти замуж, так что жизнь идет, – опять спокойно ответил Кулагин.

– А где учились, что закончили, по какой специальности? – продолжал задавать вопросы Иван.

– Закончили нашу контору, экономический. У меня и жена экономист. Я не знаю, помнишь ты или нет, но на каком-то общем собрании с экономистами в актовом зале декан экономического факультета с высокой трибуны так нам и сказала, что для судоводителей лучшими женами во все времена являются экономисты. Вот под этим лозунгом и жил все это время.

– Ты знаешь. А у меня дочь тоже экономический заканчивает. Удивительное дело. У нас так много общего – дети экономисты и собачьи породы нам нравятся одни и те же. А чего же мы с тобой в институте-то не дружили? Удивительное дело.

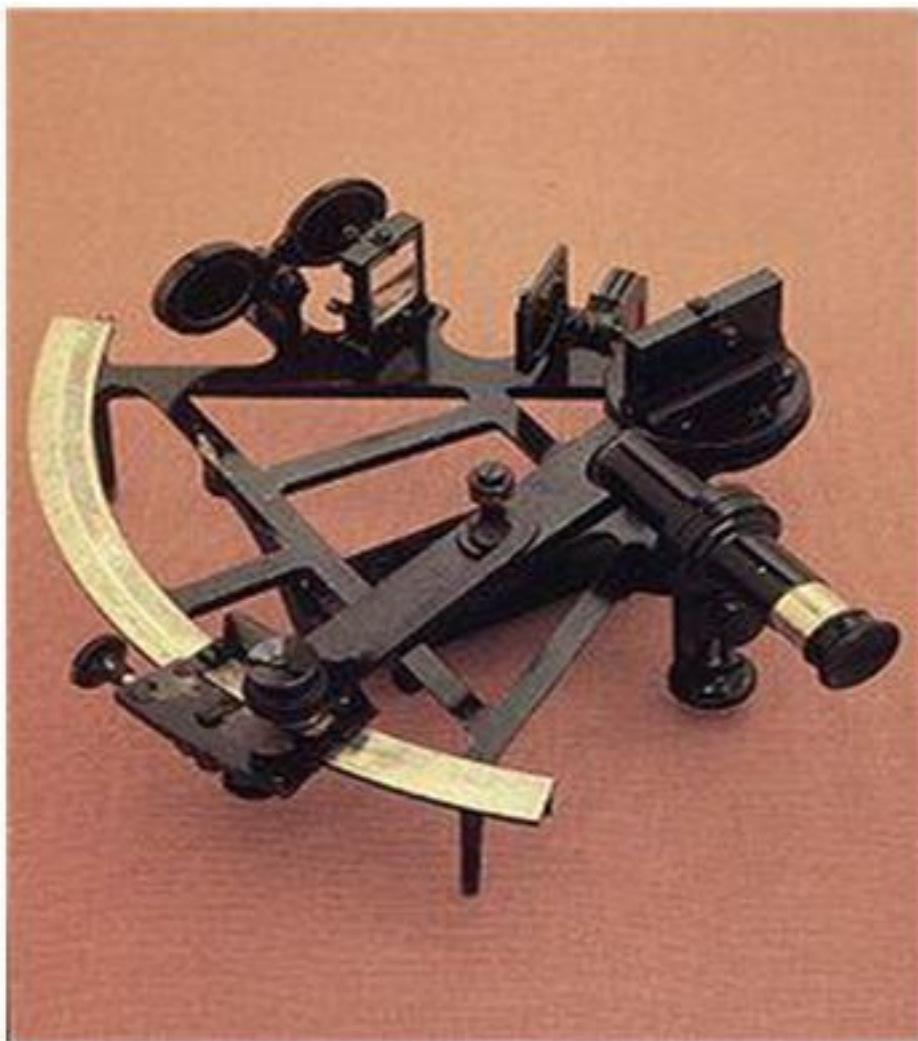
– Не знаю, чего не дружили. Хотя я был общажный, а ты жил дома. Может быть, поэтому и не дружили, – был ответ однокашника. Затем пришел опоздавший приглашенный, и разговор перешел совершенно на другие темы. Чувство душевного единства затерялось в нескончаемых громких разговорах.

Эта встреча состоялась накануне новогодних праздников, и Иван решил поздравить Кулагина, уехавшего к себе домой в другой город, с наступающим Новым годом. Кулагин взял трубку:

– Владимир, поздравляю тебя с наступающим новым годом. Желаю здоровья и семейного благополучия. Я тебя первым поздравляю с праздниками.

– Большое спасибо. Обычно на кошках тренируются, а ты решил на мне. Спасибо, – был ответ абонента.

– Молодец. Как он меня поддел. Чего мы с ним в свое время не дружили? – в очередной раз подумал Иван.

Зеленые оливки

Было время, когда им очень часто приходилось посещать греческий порт Итея. Но даже не сам порт, не предназначенный для захода больших судов, а отдельный погрузочный причал, оборудованный на скалистом берегу Коринфского залива. Причал располагался далеко от города, и добраться до него можно было только на катере. Если точно, то это был не причал в традиционном понимании, а ряд бетонных свай, торчащих из воды, с ленточным перегружателем, подающим руду, казалось, непосредственно из глубоких подземных горных забоев. По этой причине швартовки, как правило, занимали много времени и сопровождались взаимными претензиями со стороны руководства судна и береговых работников. Швартовщики на специальных ботах растаскивали длинные судовые продольные концы, возмущались, что длины швартовых недостаточно, но после продолжительных препирательств все же крепили их на береговых тумбах, установленных на сваях.

Погрузка тоже была очень хлопотной, так как под неподвижный ленточный перегружатель подавался очередной нужный трюм. А не наоборот, как это делалось обычно в нормальных портах. Кроме всего этого для равномерного распределения груза по самому трюму судно так же двигалось вдоль перегружателя. Все эти перемещения, осуществлявшиеся судовой командой с использованием продольных швартовых, требовали присутствия на борту полной команды. Об элементарном отдыхе и тем более о поездке в город разговоры даже и не заводились, посещение города было возможно только в исключительных случаях для отдельных членов экипажа, но для этого необходимо было иметь серьезные основания. По этой же причине капитану за все время заходов в этот порт так и не удалось вырваться в город. Перегруз судна изначально исключался, так как снять с судна лишнее количество уже погруженного груза было просто невозможно. Грузили быстро, производительность погрузчика была высокой, что требовало от грузового помощника значительного опыта работы и знания особенностей теплохода. Большой проблемой был и просмотр текущих осадок судна, связанный с постоянным переносом штормтрапа с борта на бот, с носа на корму и наоборот— легче было дождаться агентского катера и пройтись с разрешения агента вдоль борта судна, записать осадки. А он никогда не отказывал экипажу в помощи.

Судовой агент с огромной седой шевелюрой (он просил называть его просто Александрос – защитник человечества), был мужчиной уже, как отмечал капитан, в возрасте, похоже, из капитанов, хотя о его прошлом он (капитан Иван Сергеевич) с Александросом никогда не заговаривал. Познакомились они уже давно, еще в самом начале капитанской деятельности Ивана Сергеевича, когда он впервые пришел на погрузку в этот порт. Судовой агент, как бы учитывая все отрицательные стороны погрузки в своем порту, всегда держал себя с капитаном очень доброжелательно, был готов оказать любую возможную помощь, мог всегда поддержать душевный разговор. С Александросом можно было поговорить и на литературные темы, он хорошо знал русскую классику и отечественных писателей-маринистов.

В этот очередной приход все повторилось вновь: опять возмущались швартовщики, опять команде пришлось долго возиться с вытравленными длинными швартовыми, подгоняя к погрузчику третий трюм теплохода. Как обычно, из-за мыса появился агентский катер, и вскоре судовой агент был уже в каюте капитана.

Капитан с агентом встретились как старые приятели, долго трясли руки, прежде чем приступить к оформлению прихода судна.

– Послушай капитан, ты уже далеко не первый раз приходишь к нам под погрузку. Мы с тобой знакомы не первый год, а скоро праздники: рождество и Новый год, – перевел разговор на другую тему Александрос.

– К чему вы клоните? – удивился Иван Сергеевич.

– А говорю я это к тому, что хочу тебе сделать подарок. Что бы ты хотел получить на Новый год? – раскрыл свои планы судовой агент.

– Ну, если вы спрашиваете, то я могу сказать, – немного подумав, ответил Иван Сергеевич, – я собираю вымпелы тех городов, где мне довелось побывать. В Итее я уже который раз, а приобрести вымпел или даже выйти в город мне так и не удалось. Поэтому, если вас не затруднит и если вам посчастливится встретить такой, я бы был очень вам признателен.

– Капитан, я все понял, без проблем. Постараюсь выполнить твою просьбу, – был ответ Александра. Вскоре все формальности по приходу в порт были завершены, агент прошел на катер и уже с борта прокричал капитану, что на отход он выполнит заявку капитана.

Погрузка прошла, как обычно, с большим количеством перетяжек, вымотав экипаж и, в первую очередь, грузового помощника. Как обычно, из-за мыса вышел агентский катер, и агент вскоре появился в каюте капитана для оформления отхода. Быстро оформив отходные документы, Александр поставил на стол капитанского кабинета большой пакет.

– Что это? – удивился Иван Сергеевич.

– Это новогодний подарок, – ответил судовой агент и начал доставать из пакета содержимое. Сначала на столе появилась большая хлебная лепешка национальной кухни, она сразу заняла добрую половину кабинетного стола. Затем на столе появилась коробка конфет «Ferrero» в яркой праздничной упаковке, затем три бутылки дорогой «Метаксы» – национального греческого крепкого напитка. Капитан удивлялся все больше и больше – он же этого не просил. В завершение на столе появилась пластмассовая емкость размером с хозяйственное ведро зеленого цвета. Александр открыл плотно притертую крышку и, попросив у капитана обычную вилку, достал из емкости, как образец, круглый зеленый с крутыми боками плод.

– А это что? – все больше удивляясь, в очередной раз спросил Иван Сергеевич.

– Это наши местные оливки. Угощайся капитан, я надеюсь, тебе понравится, – агент закончил демонстрацию содержимого пакета.

– Огромное спасибо, но я этого ничего не просил. Спасибо большое.

Капитан чувствовал себя обязанным, так как действительно этого не просил. Он начал отказываться, но судовой агент ничего и слушать не хотел: «Это же от всей души, если не примете – я очень обижусь». А затем капитан все же набрался смелости и спросил: «Я просил только посмотреть, можно ли купить вымпел города Итея?» Реакция судового агента была очень быстрой: «Послушай капитан, ты что, мальчик что ли, флажки собирать. Вот это, я считаю достойный подарок мужчине на новогодние праздники».

Время летит быстро, в следующем контракте судно опять получило рейсовое задание следовать в Итею под погрузку. Иван Сергеевич решил подготовиться к очередной встрече со своим Александром, собрав заранее соответствующий ответный подарок, включающий в себя и дорогой коньяк и интересные шоколадные изделия. Была припасена и большая банка соленых огурцов. После окончания швартовки Иван Сергеевич с нетерпением ждал появления агентского катера. И вот, он, как обычно, вынырнул из-за мыса, направился в сторону судна.

Вскоре он уже подходил к борту судна. Капитан с крыла мостика наблюдал за подходящим катером, но своего старого знакомого не видел: тот еще издали начинал махать рукой капитану. Катер подошел к борту судна, в каюту капитана вошел незнакомый молодой человек и представился: «Меня зовут Плутарχος, я ваш новый судовой агент».

– А где же наш Александр? – насторожившись, спросил капитан.

– Старик Александр умер полгода назад, – ответил молодой судовой агент.

«Какой был душевный человек. Какие были чудесные вкусные зеленые оливки», – было первой мыслью Ивана Сергеевича. Разволнованный, он еще целых двадцать минут не мог приступить к оформлению прихода, маскируя свое состояние разговорами с молодым агентом на отвлеченные темы.

Сбылось

*Отец моряк, и дети на море глядят
(пословица)*

Молодая женщина присела на табуретку рядом с детской кроваткой и долго с любовью смотрела на сына, безмятежно спящего в этот уже далеко не ранний час. Затем она посмотрела на часы, висящие на противоположной стене небольшой комнаты, покачала головой, улыбнулась и все же, решив будить маленького мальчика, коснулась его плеча. Спящий ребенок заворочался на кровати, а от второго прикосновения открыл глаза. Петя еще не совсем проснулся и начал тереть глаза маленькими кулачками.

– Мама, а папа придет сегодня с корабля? Мы же собирались пойти гулять все вместе, – был первый вопрос сына.

– Нет, папа сегодня не придет. Он в море. А вот посмотреть, вернулся он или нет, это мы с тобой можем сделать, – спокойно ответила мама, стараясь не расстраивать сына.

Позавтракав и приведя себя в порядок, они вышли из дома и вдвоем направились к ближайшему скверу. На улице было жарко. Южное солнце поднялось уже высоко, и от этого воздух приобрел особую прозрачность, свойственную южным приморским городкам. Деревья стояли совершенно неподвижные, казалось, что по случаю выходного дня они тоже решили немного отдохнуть. По тротуарам важно вышагивали голуби, они совершенно не боялись прохожих. Тут же суетились местные воробьи, пытаясь во всем опередить своих ленивых крупных соседей – голубей. Пройдя тенистый сквер, мама с сыном направились к городской набережной. Народу на набережной, несмотря на выходной день, было мало – местные жители и приезжие, похоже, решили провести свободное время в общении с морем. Вдали просматривался ближайший городской пляж. Даже издали было видно, что он переполнен.

На рейде одиноко стоял на якоре военный корабль. Мама зорким взглядом жены командира корабля определила, что тральщик. – Мама, а это не папин корабль стоит на рейде? – с надеждой спросил Петя.

– Нет, сынок, это не папин корабль стоит. Папин сейчас далеко в море. Так что нам придется немного подождать, когда он вернется, – сказала мама.

Тут же на набережной рядом с ними остановился мужчина также с маленьким мальчиком, который, как и наши главные герои, обратил внимание на стоящий на рейде корабль.

– Папа, а что это за кораблик там, в море стоит? – спросил своего папу мальчик. Папа стал всматриваться в морскую даль, пытаясь рассмотреть стоящий на рейде корабль, для этого он даже снял свои очки. После изучения стоящего на рейде объекта папа тоном заправского специалиста, обращаясь к сыну, произнес:

– Какой кораблик стоит в море? Володя, это стоит подводная лодка.

– Папа, как интересно, – была реакция маленького мальчика.

Мама не стала брать под сомнение сказанное взрослым мужчиной и подрывать папин авторитет, хотя была немало удивлена такими познаниями в области морского флота. Но все же решила поинтересоваться:

– Извините, а вы к нам из какого города приехали? Вы отдыхающие?

– Да, мы отдыхающие. А приехали издали, из Сибири. Приехали к вам в санаторий для лечения. У Володи большие проблемы с позвоночником, – спокойно объяснил незнакомый папа. При этом маленький Вова как-то виновато, как показалось маме, посмотрел сначала на папу, а потом и на незнакомую тетю.

Пожелав здоровья новым знакомым, мама с сыном направились гулять в парк. Пете удалось покататься на маленьком паровозике, который тянул аккуратные вагончики с такими же

маленькими девочками и мальчиками, как и сам Петя. Мама предложила посидеть, отдохнуть в летнем кафе. Там за маленьким столиком они немного перекусили, а в завершение поели мороженого. Выйдя из кафе, направились вновь на городскую набережную. Людей здесь стало значительно больше, нежели в первой половине дня. Оказавшись на набережной среди отдыхающих, мама с сыном отметили, что корабль, стоящий на рейде, исчез.

– Мама, а где кораблик? Куда он подевался? – спросил Петя.

– Наверное, пошел встречать другие корабли, – был ответ мамы, – может быть, папа скоро будет дома.

– Мама, как здорово, папа скоро будет с нами, – обрадовался маленький Петя.

На обратном пути Петя не мог успокоиться: «Значит, скоро папа вернется домой». Он не мог усидеть на месте – бегал и прыгал, даже задевал отдыхающих, прохаживающихся по дорожкам сквера. Чтобы успокоить сына, мама предложила присесть, отдохнуть на скамейке, что они и сделали. Но Пете не сиделось на месте. Он постоянно вскакивал и пускался бегать вокруг скамейки: «Папа скоро будет с нами». Мама решила все же успокоить сына, и когда Петя, уже сильно вспотевший, все же остановился перед ней, она только и успела сказать: «Петя, да успокойся же». Но Петя не унимался – обогнув скамейку, пустился на следующий круг. Мама в сердцах крикнула ему вслед: «Колин, да успокойся ты, наконец. Колин, слышишь, что я тебе говорю?»

Мимо скамейки проходили два молодых морских офицера, видимо, из военного порта, где все друг друга знают. Они с интересом посмотрели на молодую женщину и бегающего вокруг неё мальчика. Один из них обратился к другому: «Смотри, какой малыш молодец. Такой же быстрый и настойчивый, как папа. Тоже, наверное, будет морским офицером». Далее молодые люди, улыбаясь, проследовали по своим делам.

Слова молодого офицера оказались пророческими. Через пятнадцать лет Петр поступил в высшее военно-морское училище, а еще через пять лет стал офицером.

Полуночный штурман

Усталое от постоянных ветров поздней осени судно пришло на рейд порта назначения. В родных краях зима почти вступила в свои права в отличие от южных широт, где последние три месяца трудился экипаж теплохода. Ставя судно на якорь на рейде порта, капитан для надежности добавил две смычки якорной цепи. Переменчивая погода не способствовала внутреннему спокойствию. Периодически налетающие шквалы, несущие сильные осадки, а ночью и снежные заряды вызывали тревогу. Ситуация усугублялась большой вероятностью длительного простоя в порту выгрузки, так как доставленный груз боялся элементарной влаги – по технологии работы его можно было выгружать только в сухую погоду без осадков.

Капитан постоянно поднимался на мостик проверить обстановку – на вахте стоял третий помощник капитана – самый младший из помощников как по возрасту, так и по своему судоводительскому опыту. В десять часов вечера капитан в очередной раз поднялся на мостик. Судно развернуло на якоре – нос смотрел строго на восток. Вдоль судна проносились белые водяные барашки вперемешку с ключьями парения еще не совсем остывшей морской воды. Парение моря говорило о том, что температура воздуха стремительно понижается. Судовые прожекторы, размещенные на фальшборте компасного мостика, с большим трудом пробивали свои лучи, достигая поверхности моря только перед баком судна. Далее пробить свой свет им не удавалось. Все говорило о резком ухудшении погоды, ветер, похоже, с усилением зашел на восточный. Это значительно ухудшало ситуацию, так как вскоре, кроме всего прочего, следовало ожидать падение уровня воды. В этих условиях с предельной осадкой было очень небезопасно заходить в порт, который отличался достаточно узким и, самое главное, мелководным подходным каналом.

В этот момент судно начали вызывать на связь, вызывал пост регулировки движения порта. Судно подтвердило свое присутствие в эфире. Капитану было предписано готовить машины, сниматься с якоря и следовать в канал для встречи с лоцманом.

– На рейде наблюдаем резкое ухудшение обстановки. Похоже, ветер усиливается. Подскажите, какова плавучая обстановка. Все буи на штатных местах? Где нас собирается встречать лоцманский бот? Я его не наблюдаю ни визуально, ни на радаре, – задал капитан целый ряд очень волновавших его вопросов.

– Навигационная обстановка уже заменена на зимнюю, буи сняты. На канале стоят ледовые сигары, все они на штатных местах, стоят через пару снятых буев. Лоцманский катер прошел ворота порта, будет вас встречать перед поворотом на второе колено канала, – был ответ диспетчера, – можете с ним согласовать действия.

Все это очень не нравилось капитану. На ночь глядя залезать в канал, не имея видимости и гарантии по проходной осадке – это совершенно не вязалось с понятием хорошей морской практики. Капитан, как был без верхней одежды и головного убора, вышел на крыло мостика и в этот момент мощный порыв ветра принес очередной холодный заряд колючего снега. Капитан мгновенно продрог. Он вернулся в рубку, плотно закрыв за собой дверь. Затем начал вызывать лоцманский бот.

– Как погода на первом колене? У нас наблюдается резкое усиление ветра, – начал разговор капитан.

– Погода плохая, – был ответ лоцмана.

– Как ветер? На рейде ветер усиливается, – начал проявлять беспокойство капитан. До встречи с лоцманом надо было еще дойти. Это составило бы минут сорок пять. Дорога же до ворот порта обычно занимала два с половиной часа. Он обратился к диспетчеру – Сейчас мы замерим скорость ветра и выйдем на связь.

– Давайте снимайтесь. В порту ветер несильный, видимость удовлетворительная, – диспетчер вновь вышел в эфир.

Капитан отправил вахтенного помощника определить скорость ветра. Замеры показали, что его скорость достигает 18 метров в секунду. В это время лоцманский бот начал вызывать пост регулировки движением:

– Иван Иванович, дело хреновое. Нас накрыл снежный заряд. Мы сейчас находимся у пятой ледовой сигары, но мы её не наблюдаем ни визуально, ни по локатору.

– У нас в порту видимость тоже стала хуже. Пошел снег. Так, лоцманский бот, давайте свяжитесь с судном и уточните намерения капитана. Мы не будем настаивать – ситуация ухудшается. Уточните, пойдет ли капитан в канал, если нет, то возвращайтесь в порт – Затем после паузы добавил: «Аккуратно».

Капитан, отслеживая все разговоры в эфире, сам вышел на связь:

– У нас на рейде уже настоящая метель. Сейчас замерили ветер. Порывы свыше 18 метров с секунду. Согласно постановлениям по порту движение по каналу осуществляется при скорости ветра до 15 метров. Моё решение – стоять до улучшения погоды.

На следующий день к вечеру ветер стих, снег прекратился. Судно снялось с якоря и, приняв лоцмана у приемного буя, проследовало в порт. Благополучно отшвартовавшись, капитан подписал лоцманскую квитанцию.

– А вчера вечером не вы нас собирались ставить в порт? – спросил капитан.

– Да, мне было поручено. Хотя у меня с самого начала эта затея вызывала сомнения. А уж когда служба движения отфутболила к вам, на ваше усмотрение, то здесь я откровенно забеспокоился. Попался бы какой-нибудь энтузиаст и поди же – будешь глаза пялить и «дрова ломать». Поэтому будем считать, что нам помог полуночный штурман. Это он распорядился устроить пургу перед съемкой с якоря. А то бы накрыло в самом канале, я думаю, нам туго бы досталось. Накрывало так, что на первом колене видимость падала до нуля. А с вашей осадкой было бы тяжело. Кстати, вода ночью падала на 50 сантиметров.

– Вы про какого-то полуночного штурмана сказали? Я что-то не слышал об этом персонаже, это какое-то поверье?

– Да, существует поверье, что в минуты серьезной опасности на судне появляется штурман-призрак. Когда туман полностью покрывает всё вокруг, полуночный штурман помогает судоводителям успешно провести судно, минуя различного рода опасности. Морьяка, стоящего в это время на мостике, обдает ледяным холодом, он чувствует дыхание полуночного штурмана. Но ровно в полночь призрак исчезает.

– Интересная история. А вообще-то, когда я вчера вышел на крыло мостика, меня так сразу сильно просквозило, холод был собачий. Куда тут сниматься? Видимость очень плохая и сгонный ветер. Я как-то сразу отчетливо почувствовал тревогу за судно. И по времени совпадает, все происходило еще на вахте третьего помощника. Так что, может быть, это и приходил полуночный штурман. Весьма вовремя.

На следующее утро в акватории порта вода покрылась круглыми ледяными тарелочками. Появился так называемый блинчатый лед. Ледяные блины являются предшественниками настоящего ледяного покрова. Вскоре море окончательно замерзнет, покроется льдом. Полуночному штурману, однозначно, прибавится тревог и забот.

P.S.: «Иллюстрированный словарь морского языка» Николая Александровича Каланова дает определение этому мифическому представителю плавающих специальностей:

Полуночный штурман

В минуты серьезной опасности на судне появляется штурман-призрак. Когда туман полностью поглощает всё вокруг, именно он, полуночный штурман, помогает рулевому провести судно, минуя подводные рифы и скалы. Морьяка, стоящего в это время за штурвалом, обдает

ледяным холодом, он чувствует дыхание полуночного штурмана. Холодное оцепенение сковывает матроса, а призрак в это время берет управление кораблем в свои руки. Но, как только пробьет полночь – призрак исчезает, и рулевому придется приложить невероятные усилия для того, чтобы, преодолев страх, удержать правильный курс.

Хочешь верь, хочешь нет!

Жаль, не сложилось

Генка, начиная с первой медицинской комиссии, никогда не испытывал особых затруднений. Войдет в кабинет и почти сразу же выйдет с заключением «годен». Это касалось и стоматологического кабинета: врач внимательно осмотрит, постучит, но зубам каким-то блестящим специальным инструментом, одобрительно покачает головой и затем быстро сделает запись в медицинской книжке «здоров». Первые признаки ухудшения появились после трех лет работы на севере. Мягкая карельская вода все же начала сказываться и появилась первая пломба. А сейчас у него их целых две.

Судно стало в финском порту Хамина под погрузку пакетированного леса. А если попростому: грузить предстояло пиловочник в пакетах назначением на Францию. Апрель в этих широтах никогда не бывает теплым. Слабое солнце делало только первые усилия пробиться сквозь тяжелые серые тучи, низко нависшие над морем, городом и портом. И эти тучи гнал на запад холодный порывистый ветер, взметая и кружа на причалах уже появившуюся пыль. Грузить предстояло по двум десяткам коносаментов мелкие партии пиломатериалов в пакетах, причем некоторые из них включали в себя только две-три упаковки. Это требовало повышенного внимания к счету груза. Судовые тальманы постоянно сверялись с результатами счета береговых тальманов. Геннадий, набегавшись еще с вечера, поднялся на мостик, чтобы сделать записи в вахтенном журнале. Он откровенно себя плохо чувствовал, сказывалась усталость почти бессонной ночи. Вечером он сильно замерз, постоянно бегая между судовыми трюмами и машинами, подающими груз к борту судна. А тут к утру еще зуб заболел. Это было непривычно, досадно и больно.

На мостике капитан беседовал с начальником радиостанции, он глянул на вошедшего. И этого, как оказалось, было достаточно, чтобы отметить нездоровый вид второго помощника:

– Геннадий, что с тобой? Заболел, что ли? Вид у тебя какой-то нехороший».

– Михаил Павлович, все нормально, только вот что-то зуб разболелся, – ответил второй помощник.

– Вот этого еще нам не хватало. С зубами шутить не надо. Надо сразу меры принимать. Так, давай попросим старшего помощника тебя подменить. Сейчас кофе-тайм начался. А ты сходи на консультацию к нашим коллегам, пусть тебя там посмотрят, – дал команду капитан.

– Не понял я, куда надо идти за консультацией? – удивился Генка.

– Куда сходить? В соседнем бассейне видишь, подошел пассажирский пароход? Это пешком в обход нашего бассейна займет пятнадцать минут. Это «Михаил...» стоит. Там наверняка врач есть, а может и стоматолог, пароход крупный, врачи должны быть. Там только обслуживающего персонала человек триста. Нам стоять тут еще долго, тем более что нет ясности с палубным грузом. Еще дня три постоим. А вот как долго они будут стоять, неизвестно. Лови момент. Сходи, но один не ходи. Попроси третьего механика составить тебе компанию. Понял? Со старпомом я сам поговорю, не беспокойся.

Уже через час Геннадий с третьим механиком поднимались по высокому парадному трапу пассажирского лайнера. У трапа их, как и положено, встретил вахтенный матрос. Узнав о цели визита, он вызвал вахтенного помощника. В большом просторном помещении центрального коридора, похожего на вестибюль престижной дорогой гостиницы, их встретил вахтенный помощник. Далеко не молодому, как отметил Геннадий, вальяжного вида помощнику пришлось заново объяснять цель их визита. Пока они стояли в ожидании помощника, в центральном холле кипела работа, обслуживающий персонал, видимо, готовил судно к приему новых пассажиров, какие-то женщины, различных возрастов, носили кипы белья или просто какие-то коробки, проходя мимо гостей, не обращая на них никакого внимания.

Выслушал объяснение цели визита, помощник, немного подумав, набрал номер телефона, затем начал объяснять ситуацию коллеге на том конце провода. Затем, видимо, получив ответ, разъяснил, как надо пройти в судовую амбулаторию, назвал номер помещения: «Найдете сами? Мне необходимо срочно продолжить ревизию». Гости, даже не поняв, что надо делать помощнику, сказали, что они сами доберутся. Судовая амбулатория на самом деле оказалась совсем не далеко в конце кормового коридора, указанного помощником. Дверь была открыта, видимо, их там уже ждали.

Геннадий постучал в дверь, на пороге появилась молодая девушка – медицинский работник в белой форменной одежде: «Это вы гости с сухогруза?»

– Да, это мы, – ответил Геннадий, – заходите.

Геннадий с третьим механиком вошли в медицинское судовое помещение. Их поразила идеальная чистота: накрахмаленные белые скатерти и занавески, в шкафчиках переливались медицинские инструменты, поблескивая металлическими боками из нержавеющей стали. Навстречу им вышла молодая, очень приятного вида женщина в белом халате, представилась судовым врачом. Она поинтересовалась о самочувствии гостей, спросила, какие проблемы заставили их прийти. Третий механик сразу же все свалил на Геннадия. Генка, в который раз, начал объяснять причину визита. Врач усадила его на стул и стала внимательно осматривать больное место, затем произвела целый ряд каких-то манипуляций во рту больного.

– Так, молодой человек, ваш зуб в полном порядке. Вы, видимо, недавно просто переохладились, застудили нерв. Это плохо, но не смертельно. Затем открыла шкафчик и достала из него маленькую коробочку: «Молодой человек, а, между прочим, как вас звать?» – «Геннадий, а моего друга Толиком звать».

– Хорошо, Геннадий, вот вам таблетки, пить три раза в день перед едой. Не переохлаждаться, ноги держать в тепле. Больше пить теплого чая, не горячего, а теплого, – рекомендовала врач. Гости стали благодарить, а в завершение визита Генка поставил на накрахмаленную скатерть бутылку хорошего виски. Подарок был ориентирован изначально на врача-мужчину. Они было собрались уходить, в дверях появилась медицинская сестра.

– Так ребята, а какое сегодня у нас число? – неожиданно спросила врач.

– Сегодня тридцатое апреля. А что? – насторожился Геннадий.

– А ничего. Я просто спросила. Меня зовут Маргаритой Ивановной, если по-простому, то просто Ритой, – вдруг представилась врач.

– Очень приятно, очень, – отозвались гости.

– Вы долго планируете стоять в порту?

– Наверное, долго, у нас проблемы с палубным грузом. Еще постоим. А что вы спрашиваете? – Геннадий решил перехватить инициативу.

– А то, что завтра праздник. День Первого мая, День международной солидарности трудящихся. Приходите к нам в гости? – предложила врач. От неожиданности предложения Геннадий начал оглядываться по сторонам. Он успел отметить, что медсестра, стоявшая в дверном проеме, начала приветливо улыбаться.

– Мы согласны, – не раздумывая, ответили гости-больные.

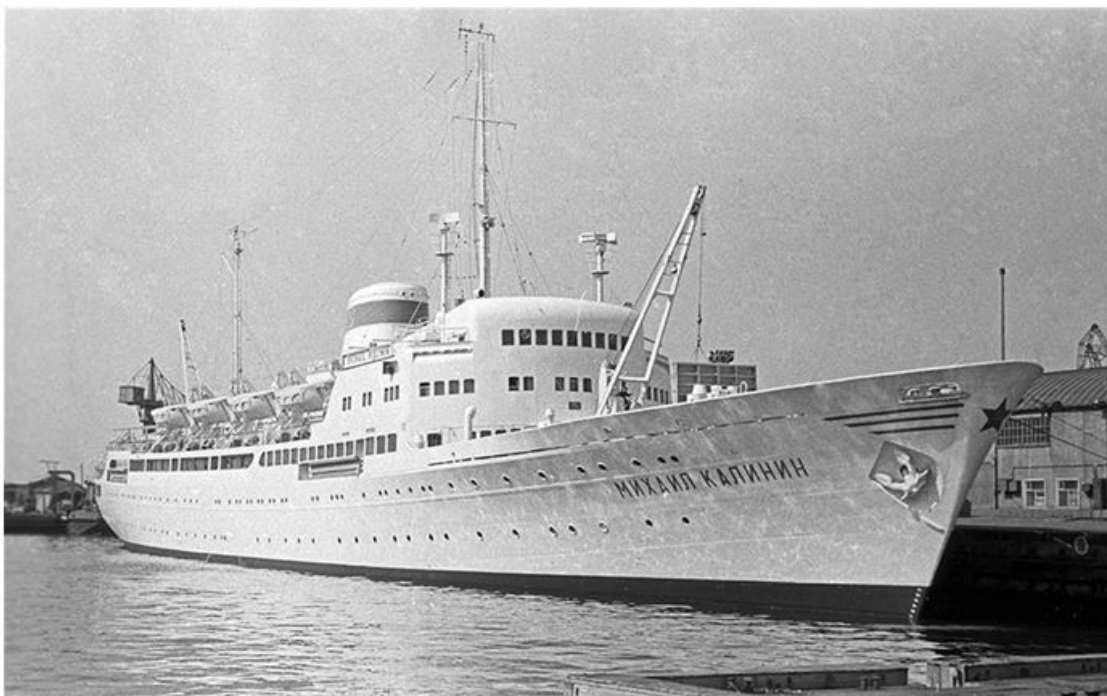
– Вот и хорошо, договорились. Мы будем вас ждать.

– А что надо принести? – спросил Толик.

– Ничего не надо, у нас все есть. Так значит договорились. Первого мая после 16-ти по-местному мы вас ждем. На этом и порешили.

Всю обратную дорогу друзья обсуждали визит к врачу. Хозяйки амбулатории им очень понравились, особенно врач – такая приятная женщина, очень. Не дойдя до судна, они уже обговорили, что возьмут с собой первого мая. С командирами они должны договориться – они же будут просить первый раз. К вечеру у Геннадия зуб, видимо, так же проникнувшись знакомством с медицинскими работниками, болеть перестал.

Первого мая в полдень по местному времени судно получило указание судовладельца следовать в порт Котка для продолжения погрузки, там их ждал палубный груз. В 14 часов второй помощник уже руководил работой баковой швартовой бригады на отходе из порта. Проходя мимо соседнего бассейна, ему даже показалось, что он различил две маленькие фигуры в белом, стоящие на корме большого пассажирского лайнера, где только обслуживающего персонала около трехсот человек, а экипаж-то всего сорок. Очень жаль, не сложилось.

Кто в море не ходил, тот богу не молился

Судно «оторвалось» от Ионических островов и легло курсом на Мессинский пролив: следовало доставить в итальянский порт Салерно очередную партию металлических балок в связках. Этот груз был всего скорей исключением для этого типа судов – небольшого тоннажа, оборудованных трюмной рефрижераторной установкой. Через шесть часов после поворота начальник радиостанции принял штормовое предупреждение по району, который предстояло пройти судну в ближайшее время. Он позвонил в каюту капитана, доложил о получении новой информации. Капитан поднялся на мостик. Прочитав «штормовое», он зашел в штурманскую, склонился над картой. Штормовые предупреждения никогда не бывают вовремя. Станислав Егорович с циркулем в руках занялся штурманским «колдовством», просчитывая варианты дальнейшего следования с учетом значительного ухудшения погоды. Вахтенный помощник уже несколько раз встретил испытующий взгляд вахтенного матроса – что он там так долго считает, наверное, будем менять курс? Вахтенный помощник жестом показал матросу, что надо подождать. Погода будет портиться, и это требует продуманного решения. Необходимо как можно скорее проскочить опасный район. Не возвращаться же назад в острова, там надо еще получить разрешение на постановку на якорь, а потом, как говорят, «возвращаться – дурная примета». Скорее всего будем менять курс.

Так и случилось. Капитан вышел из штурманской рубки, по-прежнему держа в руке лист с текстом штормового предупреждения. Он обратился к вахтенному помощнику: «Владимир Алексеевич, погода будет портиться. Ложимся на курс «по гиро» (по гирокомпасу) двести семьдесят градусов. Надо по кратчайшей пересечь Ионическое море, добраться до итальянского берега».

Вскоре, значительно раньше, чем предполагало штормовое предупреждение, погода начала портиться. Небо заволокло серыми низкими тучами, из-под которых начал дуть все усиливающийся ветер. Море покрылось белыми барашками, превратившимися вскоре в отдельные, пока небольшие, волны. Капитан опять поднялся на мостик: «Что-то рановато начало раздувать, значительно раньше, чем предполагалось. Так, Владимир, сделай объявление – команде крепить на объектах по заведованию и в каютах все по-штормовому. Вызови на мостик боцмана». Боцман поднялся на мостик и, получив указания непосредственно от капитана, быстро спустился вниз – необходимо было проверить готовность судна к штормовым условиям.

Погода тем временем продолжала быстро портиться. Ветер резко поменял направление, зайдя почти на встречный. Судно начало терять скорость, спутниковая система показывала падение скорости уже на два с половиной узла. К концу вахты второго помощника погода окончательно испортилась, так что старшему помощнику пришлось принимать вахту в реальных штормовых условиях. Владимир Алексеевич хотел было задержаться на мостике, может, чем-то можно было помочь, но капитан отправил его отдыхать. Судно испытывало смешанную качку, периодически врезаясь в налетающие водяные горы. Столбы водяных брызг захлестывали судно, долетая до надстройки. Ветер резко набирал силу, волны были еще пока короткие, но отдельные из них достигали уже большой высоты. Станислав Егорович в очередной раз поднялся на мостик, и в этот момент из радиорубки вышел начальник радиостанции, он протянул капитану листок с текстом только что принятого сообщения. Это было очередное штормовое предупреждение. Прочитав текст сообщения, капитан закачал головой. Старпом, уже не первый год работающий на этом судне, без каких-либо слов понял только по этому движению, что ситуация ухудшается. Прочитав для старшего помощника текст предупреждения, капитан заходил по широкому мостику:

– Ожидается дальнейшее усиление ветра. Необходимо готовиться к встрече с еще худшей обстановкой.

– Куда уж хуже? – высказал свое отношение к сложившейся ситуации старший помощник.

– Посмотрим, – был ответ капитана.

Тем временем погода продолжала портиться. Волны достигли такой высоты, что авторулевой в момент встречи с ними уже не справлялся со своими задачами, начинал подавать тревожный звуковой сигнал, извещая присутствующих на мостике, что судно уходит с курса. На руль заступил вахтенный матрос.

– Так, Ваня, на руле не зевать. Если судно не будет слушаться руля – немедленно докладывай. Мы поможем, – капитан проинструктировал вахтенного матроса.

Но еще через час уже и вахтенный матрос не мог качественно удерживать судно против волны. Станислав Егорович отметил появившуюся нервозность в действиях вахтенного матроса, видимо, сказалось отсутствие опыта работы в таких штормовых условиях.

– Сергей Николаевич, давай сам заступай на руль. Если что, я буду подрабатывать машиной.

– Сергей Николаевич, вон очередная большая идет, – обратился капитан к старшему помощнику.

– Вижу, – был краткий ответ старпома. И вот огромная волна начала надвигаться на судно. Нос судна пошел вверх, въезжая на очередную водяную гору. Чтоб помочь судну вскарабкаться на вершину, капитан, расположившись у машинного телеграфа, дернул ручки вперед, увеличив обороты главного двигателя. Судно, как показалось Станиславу Егоровичу, в очередной раз медленно, с трудом все же вскарабкалось на вершину волны. В следующий момент бак судна стремительно стал проваливаться вниз. Чтоб не разгонять судно и как-то смягчить удар корпуса о подошву очередной волны, капитан убавил обороты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.